

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Саша Анелим

18+

ДАРЫ СМЕРТИ
СДЕЛКА С ДЬЯВОЛОМ

Саша Анелим

Дары смерти. Сделка с дьяволом

«Автор»

2026

Анелим С.

Дары смерти. Сделка с дьяволом / С. Анелим — «Автор», 2026

Я мнила себя неуловимой тенью. Искусной воровкой, способной обвести вокруг пальца целое королевство. Сделка с короной казалась идеальным шансом выкупить свободу, которой я по собственной глупости лишила и себя, и самых дорогих мне людей. Вернуть королю одну драгоценную побрякушку — и мы с сестрой исчезнем навсегда. Но я жестоко ошиблась. Я — одаренная. Однако мой дар, всегда помогавший мне выживать среди людей, внезапно ослеп. Безупречный план захлопнулся, как мышеловка. Мы оказались в плену, а принц, поклявшийся нас защищать, рискует шагнуть в петлю следом за нами. Мы наивно верили, что контролируем ситуацию, но с самого начала были лишь пешками в чужой кровавой партии. Теперь, чтобы выжить и спасти тех, кого я люблю, мне придется нарушить все правила. И полагаться только на себя.

© Анелим С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Г	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Саша Анелим

Дары смерти. Сделка с дьяволом

Глава 1

Я сижу на этом проклятом карнизе уже второй час. Дождь не утихает, и мои тряпичные туфли давно промокли насквозь. Холодная вода пробирается сквозь тонкую подошву, и я уже не представляю, как буду двигаться дальше. Надо было довериться своему чутью и надеть сапоги — но нет, я ведь всегда умнее всех.

С этим я бы справилась и за час. Честно говоря, не знаю, зачем вообще припёрлась заранее — разве что из привычки изучать клиента. Мужчина ждал назначенного часа в узком, тёмном проходе. Я всегда так делаю — перестраховываюсь. Мне нужно быть уверенной, что передо мной не тот, кто сможет меня переиграть. К ней такие не приходят. Но рисковать я не стану — даже ради Маркуса.

Мужчина был совершенно ничем не примечателен: длинное бежевое пальто, шляпа того же цвета, обычные чёрные брюки и лакированные туфли. Выглядел достойно — вот только сидел и трясся, как осиновый лист, не зная, куда себя деть в ожидании.

Смешно, правда. Он боится, что кто-то узнает — не я, конечно, а кто-то из его круга. Они все боятся. К ней бедняки не приходят. Её клиент — это обязательно торговец, аристократ или джентльмен с именем, который бережёт свою репутацию. И все встречи только лично. Полная скрытность. Это выгодно обеим сторонам.

Я в двадцатый раз посмотрела на карманные часы. Стекло на них давно потёрлось, в одном месте — трещина. Глупо, конечно: при таких заработках — и не привести в порядок такую важную вещь. Но, скорее всего, я просто не хочу, чтобы они выглядели иначе. Их привычный, тёплый, поцарапанный облик каждый раз возвращает меня в прошлое. Часы будто молят о смерти — но я не могу их отпустить. Привязанность. Дурацкая, упрямая привязанность.

Ровно восемь вечера. В комнате послышался скрип открывающейся двери. Мужчина тут же выпрямился и посмотрел в темноту, откуда доносился звук. Эта сука чертовски пунктуальна.

Медленно, словно старый слизняк, женщина вышла в свет и направилась к креслу рядом с журнальным столиком и лампой с тёплым светом. Она еле уместилась в этом деревянном бержере, от чего тот издал протяжный скрипучий звук. Он тоже молит о смерти, как и мои часы — вот только я хотя бы не сажусь на них. Свет, что падал на её лицо, делал его ещё старше: чёрные брови, слишком много косметики даже для такого рыла, как у женщины. Сразу видно — бывшая владелица публичного дома. Сама она давно не развлекает клиентов, добрала весу до двухсот семидесяти фунтов, хотя рост составлял не больше шести футов. Тумбочка в масштабе. На ней было красное бархатное платье в пол с белыми цветочными узорами в области декольте. На голове она всегда носила чёрную маленькую шляпку, скошенную набок. Статус на лицо.

Она еле подняла свою руку, указывая на кресло напротив. То было поживее, так как принимало в себя гостей, а не троллей. Мужчина принял приглашение и, поправив шляпу, угнездился напротив.

— У меня не так много времени, — сказала она грубым прокуренным голосом. — Давайте покончим с этим поскорее, ваша честь.

Ваша честь? Так это судья Уизворн? Это будет интересно!

— Д-да, конечно, — промямлил тот. — Вот, — добавил он и вытащил из нагрудного кармана бумажный конверт.

Сначала он протянул его прямо к тётке, но, заметив, что та подняла бровь и презрительно посмотрела на его руку, аккуратно положил конверт на столик поближе к ней.

— Мне стоит перепроверять документ? — спросила она, глядя судье прямо в глаза.

— В этом нет необходимости, уверяю вас. Указ начинает действовать с завтрашнего дня. Вот увидите, — он достал из другого кармана желтоватый платок и промокнул им лоб. Да он потеет, как уличный мальчишка перед проститутками. — В документе моя подпись, так что никто не усомнится в вашей правомерности. Только прошу вас — без громких встреч. К сожалению, во второй раз мне не удастся закрыть глаза на ваш подпольный бизнес, — последнее он выделил интонацией.

Так вот оно что. Значит, уже не бывшая владелица публичного дома? С завтрашнего дня.

— Можете не волноваться, ваша честь. Я учла свою ошибку и наказала виновных, — она мерзко улыбнулась и, чуть склонившись, подхватила конверт. Открыв его, мельком пробежалась по строчкам, остановив взгляд на нижнем крае — наверняка, на подписи судьи. Снова мерзкая улыбка, а затем продолжила: — Что ж, вынуждает вас судьба, видимо, идти на такие меры. Не мне вас судить, ведь это ваша работа.

Она закаркала. Именно на воронье карканье был похож её смех. Я закатила глаза от того, как ей понравилась её же шутка, но вот судья оставался абсолютно равнодушным. Шутку он тоже не оценил.

Женщина встала и побрела в сторону комнаты, из которой изначально появилась. Судья заметно напрягся. Он был у неё впервые — это очевидно, оттого и нервничает. Он не привык ходить по своим же поручениям сам, всегда отправлял посыльного. Но эта противная тётка желала иметь дело только напрямую с заказчиком — и всегда знала, если те имели наглость отправить и выдать за себя кого-то. Им даже не открывали дверь.

Все в городе знают, кто она такая, чем занимается, но никто не решался вмешиваться, выдвигать ей обвинения. Её считали настоящей ведьмой. Но, тем не менее, другой такой нет. Кроме неё, никто не поможет в особо серьёзных делах. Она как богатая тётушка в семье, от которой все хотят избавиться, чтобы получить наследство, но никто не решается пойти на убийство. Поэтому все покорно принимают её дары и тихонечко ждут, когда та откинется самостоятельно.

Наступила полная тишина, как только ведьма скрылась в другой комнате. Я знала эту комнату — я была там. Нет, не как заказчик. Я тогда только начинала и прощупывала почву. Убедившись, что эта карга надёжно прячет все свои припасы, я отбросила затею обворовывать её прямо перед сделкой. Потому что этих припасов просто не было. Она создавала их из воздуха, телепортировала оттуда, куда мне точно не было доступа. Все её клиенты думали, что эта комната — её личное хранилище, вот только я знала, что ни черта там нет и не было. Гребаная фокусница. Но надо отдать ей должное — это потрясающая конспирация. К слову, обворовывать её тоже никто не решался. Кроме меня.

Я даже не стала переходить на соседний карниз, чтобы подсмотреть. Эти фокусы я уже видела, а сейчас должна следить за судьёй. Он снова протёр лоб салфеткой. Ох, как же он боится. Мне даже стало его жаль. Интересно, что заставило его прийти сюда? Что он хочет получить взамен на распоряжение о закрытии дела против её борделя? Что-то такое, что исправит тот самый «дар» от ведьмы. Именно за ним я и пришла. Но что это?

Вернулась она довольно быстро. Молча положила перед Уизворном маленькую тёмную баночку с деревянной пробкой и улыбнулась материнской улыбкой:

— Это поможет, ваша честь. Достаточно одного грамма. Но если вы не раскрыли мне всю суть вашей проблемы и всё гораздо хуже, то для лечения хватит всего, что есть. Можете быть уверены.

Судья посмотрел на баночку, сглотнул, потом осторожно протянул руки и забрал «дар». Несколько секунд он вертел его в пальцах, словно вглядывался в спасение, а затем аккуратно убрал флакон в нагрудный карман и поднялся с кресла.

— Требуется ли что-то ещё для лечения? Растворить в воде или...

— Просто внутрь, — перебила его карга. — Не забивайте вашу и без того беспокойную голову. Никаких дополнительных действий не требуется. Ступайте с Богом.

— Надеюсь, мы больше не увидимся, мисс, — кивнул судья и поспешно вышел из гостиной.

— Миссис, — грустно поправила она, но его это уже не интересовало.

Я не стала терять времени и прыгнула с карниза, зацепившись руками за перекладину сбоку. Приземлилась почти у входа и затаилась. Ждала своей части представления.

Меня никто не увидит, не услышит. Вот в чём страх всех её заказчиков: вход находится в узком переулке, встречи проходят лицом к лицу, и к тому же бесконечные туманы и дожди Эфинара добавляют мрачности. Таких, как я — отчаявшихся и беспечных бедняков — полно. Но настолько рискованных, как я, пока не встречала. Мне терять нечего. И на свою жизнь — наплевать.

Я чувствую его шаги на последней ступеньке за дверью. У угла дома его ждёт карета — в переулок она бы не протиснулась. Идеальная возможность. Я считала каргу своей невольной соучастницей — за удачное расположение её дома и строгое требование конфиденциальности.

Судья не успеваешь полностью выйти за дверь, как я «случайно» спотыкаюсь и падаю ему в руки.

— Боже мой, аккуратнее, мис... мистер? — мужчина пытается меня приподнять и разглядеть лицо, но я тут же отталкиваю его и разворачиваюсь.

— Да пошёл ты, — бросаю как можно грубее, по-мужски.

Оставляя судью в замешательстве, иду прочь. Если он идиот — спокойно дойду до угла и исчезну. А если...

— А ну стой! — крикнул Уизворн.

Не разочаровал. Всё-таки не идиот.

Я рванула с места так резко, что чуть не навернулась. Тряпичные туфли хоть и лёгкие, но давно промокли — ощущение, будто бегу по болоту. Сейчас не до комфорта — лучше поблагодарить дождь за содействие.

Свернув направо, я устремилась к Трафальгарской площади. Судья бежал за мной и что-то кричал, но шум и ветер заглушали слова. Зато чувства улавливались легко: злость, паника, бессилие. И ещё кто-то рядом. Второй. Помощник, наверное. Отлично — теперь за мной гонятся двое.

Баночка, ловко вытащенная из нагрудного кармана Уизворна, приятно грела мне бок даже через плотную ткань. Я забрала её в тот момент, когда упала к нему в объятия — он и не заметил. Очнулся, когда его уже послали. Стоило прятать в трусы, приятель — туда я ещё ни разу не лазила. Ты мог стать первым.

До площади оставалось совсем немного. Я знала, что добежу. Я бегаю каждый день — и не только по делу. Это часть моей рутины. Почти в совершенстве освоила бег в мужском стиле. Но судья, как мы уже выяснили, не дурак. Может догадаться, что вор — женщина. Только это ему ничего не даст. Мы бежали вперёд по прямой — без закоулков и лабиринтов. Я уже чувствовала, как они сдаются.

Площадь. Толпа. Праздник в честь святого Георгия. Все в белом, с вкраплениями красного: кто шарф, кто повязку, кто ботинки. Я — в красном корсете, который давит грудную клетку до икоты, но зато теперь он станет моей маскировкой. Поверх — чёрная куртка, которую пора сбросить.

На ходу я скидываю куртку и фуражку, «одолженную» у рабочего, достаю белую косынку, накидываю на голову, вытаскиваю юбку из-под брюк и буквально влетаю в толпу. Сливаюсь с потоком.

Теперь меня не найти. Слишком много людей, слишком много шума. Все заняты танцами, речёвками, флагами. Главное — идти в ногу и не выделяться.

Я сосредоточилась на чувствах судьи. Безысходность. Он потерял меня. Еле заметно усмехнулась — маленькая победа. Потрогала карман через юбку — баночка на месте.

Сегодня я заработала внушительную сумму. И через пару часов с блаженством утону в литрах виски

Глава 2

Я стучу в дверь костяшками пальцев в определённом порядке: три — раз — два — раз — три. Проклятый шифр, который придумал Маркус, чтобы знать, кто пришёл. Этот чудак напичкан страхами, поэтому никогда не марает руки сам — нанимает кого-то. Например, меня.

Наши рабочие отношения складывались просто: я что-то приношу — он платит. А ему, в свою очередь, платят те, кому он перепродаёт это «что-то». И, как ни странно, никто не точит на него зуб. С ним иметь дело куда безопаснее и дешевле, чем с мадам-ведьмой. Ему всё равно, сам ты придёшь или кого-то пошлешь. Главное — заплати.

Раздался щелчок. Открыто. Я вошла и кивнула Дии — молодой девчонке, которая ни черта не понимает наш язык, но при этом прекрасно справляется с обязанностями: убирает, встречает, готовит. Похоже, ещё и ублажает хозяина. Когда ты без гроша в чужом городе — предашь и свои, и чужие принципы. А Маркус ей платит неплохо. Хотя я бы до такого не опустилась. Ниже некуда.

Дия проводила меня вглубь дома — в гостиную, окутанную мягким светом. Маркус любит «интимную обстановку». Это он сам так говорит. А я считаю — просто стесняется своей внешности. И, конечно, не упускаю случая поддеть его при каждой встрече.

В комнате стояли три кресла, расставленные вокруг странного резного столика. Его форму я до сих пор не могу описать. А вот кресла — блаженство: высокие спинки, мягкие подлокотники. Ковёр — изумрудный, как и обивка. Всё идеально чисто — спасибо стараниям Дии. Интерьер у Маркуса на уровне: красота, эстетка, ароматы. Я повела носом. Лаванда.

Пройдя чуть дальше, я рухнула в кресло, скинула мокрые туфли и закинула ноги на этот придурковатый столик, громко выдохнув. Чистое блаженство. Дия, как по команде, ушла за чаем. Интересно, делает ли она массаж? Мне бы пригодился — работа-то напряжённая.

Прошло минуты две, когда я уловила запах тёмного эля. Значит, Маркус уже рядом. Половицы за дверью скрипнули, но я не открыла глаз. Ещё секунда — и в дверях появился тот самый мерзкий тип. Его лицо можно печатать в газетах с подписью: «вот так не худей».

— Не надо повторять одно и то же, Николь. Уже не смешно, — буркнул Маркус и прошёл в комнату. — И убери свои вонючие лапы с моего французского стола, несносная девка! — рявкнул он, скинув мои ноги.

Я болезненно ударилась пятками, но лишь ухмыльнулась. Подобрала ноги и села в позу лотоса, сверкая весёлым взглядом.

— Ой, прости. Опять вслух оскорбила? Забылась. Не сдержалась, — я хлопнула ресницами. На Маркуса это давно не действует. — И, кстати, будь вежлив с ними, — кивнула на свои ноги. — Они, между прочим, за тебя всю грязную работу делают.

— Всю грязную работу делаешь ты целиком. Какая часть страдает — мне плевать. Я тебе плачу золотом, чтобы ты не жаловалась на условия.

Он прошёл к шкафчику с дешевым пойлом. Сам пьёт элитное, угощает гостей бурдой. Никогда не предложит разделить хоть стаканчик. Жлоб. Самый настоящий.

Зато посетителям — разбавленный хмель, чтобы хоть как-то завязался разговор. Некоторые, может, и не замечают, но я-то знаю вкус дорогого пива. Аж слюнки потекли. Надо заканчивать болтовню и выдвигаться в любимую таверну.

— Знаешь, Маркус, золото — единственное, что заставляет меня тебя терпеть, — сказала я, когда он скрылся. — Попадись мне кто-то щедрее — с радостью тебя брошу.

Он обошёл кресло, неся в руках бутылку Варетти — вино для бедных. Сел напротив и протянул её мне. Я поморщилась и покачала головой.

Маркус хмыкнул и поставил бутылку на стол. Себе не налил. Жук.

— Я ведь предлагал тебе новых клиентов. Они могли бы платить достойно. Но ты сама отказалась, — сказал он с улыбкой.

— Ты же знаешь — я не работаю с теми, с кем работаешь ты, — отрезала я. — Если будет новый заказчик, он не должен знать ни тебя, ни кого-то из твоего круга.

Обычная мера предосторожности. Я никому не доверяю. Даже Маркусу. Этот слизняк и мать родную продаст — что уж говорить про уличную воровку. Что он, впрочем, уже и сделал. Его мать доживает в церковном приюте. Но я не вмешиваюсь. У меня никогда не было ни богатства, ни матери.

Что ещё можно сказать о Маркусе — человек он мерзкий, но одинокий. Да, с ним просто вести дела: всегда по делу, всегда за деньги. Но я уверена — никто, кроме меня, не слушает, как прошёл его день. Иногда он начинает говорить сам, даже не спрашивая, особенно если дело касается женщин. Я его не перебиваю. Пусть считает меня подругой, пока платит. Если это делает меня алчной — пусть. Я, в отличие от него, не ищу в людях поддержки.

Может, причина в его внешности. Он худой, долговязый, с мелкими крысиными глазками и тонкими губами. Скорее похож на насильника из хроник, чем на добропорядочного соседа. Волосы у него светлые, редкие — сквозь них просвечивает лоснящаяся кожа. И он невероятно болтлив, особенно когда пьёт. Его бы можно слушать бесконечно... если ты Дия. Или если тебе за это платят.

Иногда мне кажется странным, что Дия до сих пор не выучила наш язык. Сколько Маркус тараторит — хочешь не хочешь, поймёшь всё. Может, она просто прикидывается. Если так — я мысленно снимаю перед ней шляпу.

В этот момент Дия появилась в проёме с подносом. Но Маркус даже не глянул в её сторону, только махнул рукой, и она исчезла. А вдруг я и правда хотела чай, жадный ты червяк?

— Ну и зря, — хмыкнул он. — Некоторые заказчики готовы платить тебе не только за ловкие ручки. — Он мерзко ухмыльнулся. Я сжалась, даже несмотря на расстояние между нашими креслами.

— Ты сейчас намекаешь, что мне стоит присоединиться к борделю? — я изогнула бровь и вскинула подбородок.

— Я всегда говорил, ты очень хорошенькая. Особенно в таком... — он бросил взгляд на моё декольте. — Что это вообще на тебе?

— Маскарад. Нужно было разыграть сценку перед судьёй Уизворном, — я внимательно следила за выражением его лица, ища признаки того, что он знает, кого я обокрала.

Но Маркус только фыркнул от удивления:

— Уизворн? У неё?

— Разве ты не знал?

— Боже упаси, Николь. Она не раскрывает клиентов. Мой информатор добывает максимум: дату и время. Больше — ничего. Так как всё прошло?

— А вот это тебе знать ни к чему. Ты бы облажался на подступах. Мне просто повезло: дождь, маска, толпа в честь святого Георгия. Я подготовилась.

Маркус захлопал в ладоши:

— Значит, всё удалось? Моя дорогая Николетта, ты великолепна!

Я встала и немного приподняла юбку. Он устался, будто увидел святыню. И сразу сник, заметив брюки.

— Даже не мечтай, плут. Эти стены увидят разве что мои босые ступни, — я провела ладонью от колена до бедра. Затем достала баночку, держа её двумя пальцами за доньшко и пробку. Его взгляд прилип к ней, будто к сокровищу.

— Великолепно... Дай же её сюда! — он потянулся.

Я резким движением шлёпнула его по руке и села обратно:

— Расчёт вперёд.

Он раздражённо цокнул языком и ушёл в соседнюю комнату. Он никогда не готовит плату заранее. Слово каждый раз сомневается, что я справлюсь. За четыре года — ни единой осечки. Мог бы уже выучить, с кем имеет дело.

Я снова взглянула на баночку. Внутри — тёмный порошок. Но это я поняла и по разговору судьи с ведьмой. С виду — как смесь специй. Но я сильно сомневаюсь, что ради приправы кто-то стал бы платить ведьме и идти на сделку с нарушением закона.

Достаточно одного грамма...

Маркус вернулся с золотом. Не потрудился даже спрятать. Ему можно — он верит Дие. Гораздо больше, чем мне.

— Вот, держи. Пересчитай, если не веришь, — протянул он.

Я вырвала мешочек из его рук и протянула баночку. Он взял её аккуратно, будто новорождённого, и уставился на неё.

— Оно? — спросила я, приподняв бровь.

— Оно, — прошептал он, не отрывая взгляда.

Любопытство взяло верх:

— Ты вообще в курсе, что это?

— Разумеется. Разве я стал бы тебя туда отправлять, не зная, что это? Это «Песнь Сирены».

— Да ладно! Это же наркотик!

— Именно, — он ухмыльнулся. — За каждый грамм мне заплатят куда больше, чем я плачу тебе. Но уговор есть уговор.

Он был прав. Я приносила ему много чего — и никогда не задавала вопросов. Мне платят, я ухожу. А он уже делает с этим, что хочет. Я не лезу. Но сейчас...

«Песнь Сирены» — не просто наркотик. Это опиум с порошком из раковин сирен. Настоящих. Где их вообще найти? Даже на чёрном рынке — миф. А ведьма могла. Только она. Значит, вот зачем судья пошёл именно к ней.

— Зачем ему это? — вырвалось у меня почти шёпотом.

— Без понятия, милая. Я даже не знал, что он был её клиентом. В газетах ни слова. Слухов тоже нет. Пока, — он слегка нахмурился.

— Должно быть, кто-то умирает, Маркус. Близкий ему человек. И он решил облегчить эти муки... даже ценой своей репутации. Даже ценой закона.

— Неужели ты сочувствуешь, Николетта? — Маркус прищурился. — Лучше бы не знала, что в банке.

Мне вдруг стало неловко. Я действительно пожалела кого-то. Мне стало противно от самой себя.

— Я просто... — начала я и осеклась. Он прав.

— Забудь. Это не наше дело, — резко бросил он.

— Не учи меня, червяк. Просто злит: я добываю для тебя такие вещи — а получаю как за мелкую кражу у бакалейщика.

— Хорошо-хорошо, — он примирительно поднял ладони. — Добавлю. Всё честно.

Он снова уставился на баночку, будто влюблённый. Я закатила глаза, забрала свои гроши, обулась и направилась к выходу.

— Ты еще подрочи на нее, — бросила я через плечо.

— Обязательно, — отозвался он. — Как только заработаю на ней целое состояние. Не пропадай, милая.

— Ты знаешь, где меня искать.

На улице пахло свежестью и дождём. Воздух был чистым, но туфли всё ещё мокрые, и ноги мёрзли. Надо было двигать в паб. Он недалеко.

Я шла одна. Женщины редко решаются на такие прогулки ночью. Но я не боюсь. Если нападут — пожалеют. Или отобьюсь, или убегу.

На пути попалась стайка пьяных. Пара чётких слов — и они передумали связываться. Я добралась без происшествий.

Внутри таверны было шумно. Праздник продолжался. Воздух был густым от пива, перегара и пота. Столы сдвинуты, стулья валяются, кое-где спят пьяные.

Я добралась до стойки, игнорируя свист и подколы.

— Три пинты эля, Грег, — крикнула я и плюхнулась на высокий табурет.

— Плохой день? — спросил бармен, протирая кружку.

— Хочу догнать этих идиотов, — я кивнула на толпу. — С эля начну. А дальше ты знаешь.

Грег усмехнулся и начал наливать. Он знает меня — пьяную, злую, потерянную. Никогда не лезет в душу. Никогда не спрашивает, откуда у меня деньги. Просто делает свою работу. И делает её хорошо.

Эль прошёл легко. Потом виски. Мысли о судьбе и его боли растворялись с каждым глотком. Всё покрылась туманом. Последнее, что я помню — я отключилась, устроившись на коленях у какого-то брюнета.

Глава 3

— Немедленно вставай, бессовестная!

Женский голос орал мне прямо в ухо, пока кто-то лупил меня чем-то мягким — наверное, подушкой. Учítывая, как настойчиво били, и как громко вопили, — делала это одна и та же особа. Но я не могла выполнить её приказ, даже если бы захотела: веки были тяжеленными, тело — словно из камня.

Я простонала, попыталась пошевелиться, но будто срóслась с твёрдой поверхностью. Я себе всё отлежала. Господи, сколько я пролежала в одной позе?

— Мне принести ведро? — угрожающе предложила женщина.

И, как по волшебству, я зашевелилась. Руки упёрлись в жёсткую поверхность с тряпками — я лежала на ящиках, судя по всему, и на чём-то, что отдалённо напоминало мою одежду. Перевернулась на спину, приподнялась на локтях и, сквозь адскую ломоту в голове, приоткрыла один глаз.

Я дома.

Передо мной стояла Баби — вся в неодобрении, с подушкой наготове. Если бы я не подала признаков жизни, она и вправду вылила бы на меня ведро ледяной воды, что стояло в углу. Хотя я не сомневаюсь, что ей хватит запала и сходить за ещё одним, если понадобится.

— Ну же, Николь, найди в себе силы открыть оба глаза и посмотреть на меня. — Она сделала шаг в сторону ведра.

— Угомонись, ведьма, — хрипло буркнула я, села и потерла глаза. — У меня была тяжёлая ночь.

— Знаю я про твои ночи, — буркнула Баби и метко швырнула в меня подушку. Потом вернулась к своей кровати, схватила газету и с тем же азартом отправила её следом. — Вот, почитай.

Честно? Чтение — последнее, что мне было нужно в этот момент. Только-только воскресла, если так можно сказать. Утреннюю почту я проигнорировала, подушку и газету откинула в сторону и осмотрелась. Я спала на ящиках с книгами, а вместо одеяла — своя же одежда. Либо я не добралась до кровати, либо Баби меня туда не пустила.

Мы с ней делили одну кровать. Не по любви, а по обстоятельствам. Даже несмотря на заработанное в кармане, мы решили не тратить деньги на обустройство. Арвин бы не понял. Он и так уверен, что я живу на то, что он даёт. Если бы он знал, сколько я трачу в пабах и на что вообще зарабатываю, его хватил бы удар.

Арвин — не родной дядя, но самый родной человек, как и Баби. Они приютили меня, когда я осталась одна, после смерти мамы. Я себе вру, что не привязываюсь и никому не доверяю, но именно за этих двоих я бы перегрызла глотку. Хотя даже им не рассказываю всего. Например, о накоплениях. Баби, конечно, давно всё поняла, и каждый раз пытается пристыдить. Мол, с моим чутьём я могла бы работать на стражу порядка, вычислять преступников и шпионов. Только вот меня тошнит от всех этих праведников, для которых буква закона — святое. Я бы от скуки померла.

— Почему я спала на книгах? — хрипло поинтересовалась я, потягиваясь.

Баби закатила глаза и пошла в маленькую ванную — умывальню. Мы туда таскали кувшины с водой и таз, чтобы хоть как-то привести себя в порядок. До реки — минут сорок, и в такую погоду это пытка. Когда я возвращаюсь с дела, иногда заглядываю в баню, но Арвину говорю, что купалась в реке. А зимой Баби оплачивает нам баню раз в месяц, и делает вид, что не замечает, как я могла бы заплатить за это сама.

— Ты снова ничего не помнишь, — вздохнула она, макая полотенце в воду. — Тебя притащил какой-то мужик. Говорит, ты пообещала отрезать ему член, если он полезет к тебе. Он решил не проверять — выудил у тебя адрес и приволок.

— Очаровательно, — усмехнулась я. — Это он меня сюда уложил? А раздел кто?

— Я. Он только доволоч до двери и звал меня. Видимо, ты сама велела ему. Дальше я тебя дотащила. — Она выглянула из-за угла и строго посмотрела. — Николь, если ты ещё раз назовёшь кому-то моё имя, будешь ночевать там, где они тебя бросают. И дяде потом сама будешь объяснять, что ты там делала.

— А ящички — это тоже твоя инициатива?

— Погода отвратная, а ты — мокрая насквозь. Может, сама завалилась, а может, он тебя уронил. Я тебя вытерла, раздела, но в кровать не положила бы. Я не собираюсь всё это потом стирать.

— Спасибо, — промурчала я.

Да, не перина, конечно. Спать на ящиках — тот ещё квест. Но если ты в состоянии «меня можно выносить», то тебе всё равно, где отключаться. Главное — не под забором.

Я оглянулась. Дом. Для меня — родное место, для остальных — обычная лавка. Арвин держит здесь кондитерскую. Печёт сам, варит сиропы, смешивает специи так, что у клиентов слюнки текут ещё на подходе. Уже семнадцать лет, как эта лавка — его гордость. Сладости, кофе, булочки и пирожные с привкусом волшебства. Лавка внизу, на первом этаже. А мы с Баби живём наверху, на бывшем чердаке под самой крышей. Арвин сам живёт рядом, буквально через стенку — в крошечном домике, который едва вмещает одного, не то что двоих. Потому когда мы с Баби подросли, он уступил нам эту комнату — мол, девушкам нужно своё пространство. И пусть тут тесно и ни на что не похоже, но всё равно — своё. И это, чёрт побери, чувствуется.

Комната — ничего особенного: кровать, шкаф, ящички с книгами. Жёлтые потрескавшиеся стены, деревянные скрипучие полы. Но для меня это — дом. А для мужчин — не впечатляющая локация. Джентльменов сюда не затащишь, даже если очень постараться. Потому мне и приходится действовать иначе — напрашиваться к ним. В гости, конечно. Но кто ведётся, а кто сразу мнётся — значит, женат.

— Вставай немедленно, Николетта, и приведи себя в порядок. Сегодня твоя смена, а мне уже пора уходить, — произнесла Баби, натягивая юбки и запихивая ноги в туфли. — Как ты могла так насвинячиться, зная, что тебя сегодня ждут в лавке?

— Девичья память, ты же понимаешь, — пробормотала я с притворно невинной мимикой, хлопнув ресницами, будто актриса на прослушивании. Плевать, что от этой актрисы остались только синяки под глазами и голос, похожий на скрип дверей.

— Это не действует ни на меня, ни на дядю, — жёстко отрезала она. — Что-то произошло? Задание сорвалось?

— Нет, — пожалала я плечами. — Всё нормально.

— Ты так не пьёшь без причины.

Я замолчала. Пауза затянулась. Память подползла обратно, как мокрый кот под одеяло. Я напилась, чтобы забыть. Чтобы заглушить внутренний скрежет, что не отпускал с прошлой ночи. Впервые за четыре года я пожалела о сделке. Об этом «хобби». Где-то там страдает человек. Возможно, я уже отняла у него последнюю надежду.

Я встала, подошла к ведру, вылила воду в таз и начала умываться. Холод пробежался по щекам, как плётка. Каждое движение — как укор: ты вот стоишь, дышишь, а кто-то, может, уже нет.

Баби не уходила. Стояла в проёме, как стражник. Сложно изображать спокойствие, когда за спиной взгляд человека, который знает все твои маски.

— Поделись со мной, Никки, — мягко сказала она. Тот самый голос, который бьёт по броне лучше любого крика.

— Что в газете? — пробурчала я, не поднимая взгляда.

— Судью обокрали. Он предложил мешок золота за поимку вора. Живём.

— И?

— Украдены, якобы, вещественные доказательства по делу государственной важности. Подробности — все конфиденциально. Но описание вора выдал: худой, ростом с тебя, одет в рабочую одежду. Мальчишка.

— Всё-таки идиот, — фыркнула я, не пытаясь скрыть ухмылку.

— Так это была ты? — спокойно уточнила она.

— А с чего ты взяла, что мне интересно, что пишут в газетах? — парировала я, уже начиная злиться.

— Потому что ты спросила. И потому что я знаю тебя четырнадцать лет.

Я закончила умываться, подошла к шкафу. Осталось мало чистого — очередной намёк судьбы, что пора стирать. А я, как назло, ненавижу стирать. Почти так же, как проигрывать.

Баби не двигалась. Тихая, неподвижная, как призрак. Но от её молчания веяло сильнее, чем от слов.

— Пожалуйста, скажи, что ты не знала, кого грабишь, — попросила она.

— Не знала, — честно ответила я. — Ни Маркус, ни я. Всё выяснилось по ходу.

Я вытащила платье, накинула его через голову, застегнула фартук, поправила косынку. Волосы были мокрые, щекотали шею. Всё раздражало. Даже воздух.

— Что ты у него украла?

— Не знаю. Я никогда не знаю. Маркус не объясняет, и я не спрашиваю. Так безопаснее. Меньше знаешь — дольше живёшь.

— Но теперь ты знаешь.

Я кивнула.

— Он сам сказал. Уже после. «Песнь Сирены».

Баби резко вдохнула, будто кто-то ударил её в грудь.

— Это не просто снадобье, — прошептала она.

— Не яд. Но...

— Значит, ты украла не золото, не бумаги, а чью-то передышку перед концом.

Я промолчала. Потому что да. Потому что добавить нечего. «Песнь Сирены» — это не просто порошок. Это снадобье на основе измельчённых раковин, когда-то принадлежавших сиренам, смешанных с опиумом и настойкой редких болотных корней. Легенда гласит, что сирены впитывали в себя самую суть боли и красоты мира, и потому их останки — нечто вроде концентрированной отдушины между жизнью и смертью. Это лекарство давали тем, кто уходил. Не чтобы вылечить, а чтобы отпустить. Чтобы последние часы прожить в сладкой неге, без страха и боли. Это не лечение. Это прощание.

— Николь... — она заглянула мне прямо в глаза. — Это больше, чем просто очередное задание.

— Я знаю, — прошептала я. — Но что мне делать? Порошок у Маркуса, деньги у меня. Никто не поверит, если я приду к судье с фразой «Извините, передумала». Меня повесит не он — повесит весь город. А Маркус, скорее всего, уже расфасовывает дозы.

Баби медленно подняла с пола свою сумку, но прежде чем выйти, бросила мне через плечо:

— Надеюсь, хотя бы этот раз что-то в тебе сдвинется.

Она ушла. Не хлопнула дверь. Но внутри будто треснуло.

Я осталась в комнате, где пахло водой, мылом и виной. Всё слиплось в одно. Я взяла гребень, вышла. Спустилась вниз, мельком глянула в зеркало — и не смогла себя узнать. Те же черты. Но глаза... будто не мои.

Заплела волосы, спрятала под косынку и вышла в лавку. Арвин, как всегда, стоял за стойкой и улыбался первому покупателю, будто в мире всё по-прежнему.

А внутри у меня всё было наперекосяк. И утренний бег отменяется.

Глава 4

— Прости, я немного припозднилась, — сказала я Арвину и поцеловала его в щеку после того, как первый покупатель направился к выходу.

— И тебе утро доброе, Николь, — улыбнулся он, аккуратно складывая первую выручку под тряпку во внутренней полке стойки.

Выглядел он свежо, потому что выспался. Вчера был праздник, так что не было смысла засиживаться допоздна и ждать покупателей. На нём была хлопковая старая рубашка небесного цвета, застиранная вдоль и поперёк за все десять лет, что она у него есть. Он очень аккуратно относился к вещам, благодаря чему не нуждался в обновлении своего гардероба так часто, как я. Брюки — классические, чёрные, слегка великоваты: он сильно похудел после смерти жены.

Фелиция рано ушла из жизни. Неизлечимая болезнь, страшный диагноз, разрушивший обоих. Он больше никого так и не полюбил. Детей у них не было. Поэтому, когда появилась Баби, он без раздумий приютил её. Фелиция была только рада, но эта радость длилась всего год — последний год её жизни. Баби её почти не помнит, но Арвин вспоминает с теплом.

После смерти жены Арвин стал другим. Из сильного, весёлого парня превратился в истощённого, замкнутого мужчину. Исчез блеск в глазах, осунулись черты. Лицо — череп, на который натянута кожа. Вот почему я избегаю привязанностей. Слишком больно терять тех, кому отдаёшь сердце. Я считаю, что никто не достоин твоей души, если потом она остаётся опустошённой.

— Чем помочь? — спросила я.

— Пстой у стойки, пока я достраиваю кладовку. Сегодня воскресенье, так что много людей не будет. Такой дождливый день.

Да, на улице сегодня царил мерзость. Температура была приятной, но влага, ветер... Фу. Тем не менее, в лавке было тепло, спокойно. Я стояла в платье, не мёрзла.

— Много ещё? — спросила я, провожая его взглядом.

— Пару штрихов, и можно выгребать всё из-под лестницы туда, — улыбнулся он и, подхватив с крючка у входа кепку, добавил: — Я много не пек, так что подсмотри, что и в каком количестве у нас осталось. Справишься?

— Ты меня недооцениваешь, старик, — хихикнула я и подмигнула ему.

Он с улыбкой покачал головой и вышел. Он строил пристройку у заднего входа — новое помещение под кладовку, чтобы освободить место под лестницей. Там было слишком тесно для всех швабр, метёлок и тряпок. Я каждый раз билась затылком о ступеньку. Видимо, он решил побережь мою голову. Или свою, ведь он выше меня и наверняка страдал не меньше.

Сама лавка была небольшой. Половину помещения занимала стойка и витрина с десертами. По задней стене — шкафы с посудой и бумажными пакетами. Три небольших круглых столика с двумя деревянными стульями у каждого. Обычно здесь не засиживались: брали и уходили. Но иногда кто-то оставался, переждал дождь. Интерьер — уютный, в сине-голубых тонах. Даже изделия Арвин украшал глазурью и посыпкой в тех же цветах. Это любимый цвет Фелиции.

Время тянулось медленно. Арвин был прав — покупателей почти не было. Доносились голоса с улицы, стук дождя, тихие звуки работы во дворе. Я начала скучать и, чтобы не сойти с ума, взялась за уборку: протёрла столы, стойку, витрину, подмела и вымыла полы. Всё блестело.

Надеюсь, хотя бы этот раз что-то в тебе сдвинется.

Я вновь и вновь прокручивала утренний разговор с Баби. Её слова въелись в память. Совесть зудела, но что я могла сделать? Она намекала, чтобы я прекратила воровать и занялась чем-то полезным. Только вот мы не живём в роскоши. Деньги нужны. И чем больше — тем лучше.

Баби — провидец. Настоящий. Видит то, что скрыто от других. На этом и зарабатывает. К ней часто приходят, чтобы узнать будущее или исход важных событий. Но берёт она за это немного. Всё равно больше, чем Арвин платит за смену, но и он много не зарабатывает. Мы просто помогаем ему. Хотя он и не знает всей правды. Думает, я пользуюсь популярностью у мужчин, поэтому пропадаю. Он не одобряет, но и не вмешивается. Хорошо. Пусть не знает, насколько он далёк от истины.

Я задумалась и не заметила, как со скрипом отворилась дверь. Вошёл мужчина.

— Открыто? — спросил он.

Я подскочила и повернулась. В проёме стоял человек с выправкой и строгостью, от которой даже воздух казался плотнее. На нём был безупречно выглаженный тёмно-синий мундир с мерцающими медными пуговицами, высокий головной убор с кокардой, кожаный ремень, к которому крепился подсумок и дубинка. Констебль. Высокий, с тёмными густыми волосами и серьёзным, почти каменным лицом. Его глаза были большие, тёмные и пронзительные, но в них таилось что-то почти печальное, будто этот человек носил не только форму, но и груз чужих тайн.

— Конечно, — проворковала я. — А для тех, кто одевается в цвет нашей лавки — комплимент от меня. У вас такая внушительная дубинка, сэр.

Я хихикнула. Он нахмурился и смерил меня строгим взглядом. Ну да, не тот тип.

— Я ищу одного человека. Его часто видят здесь. Думаю, вы как раз сможете помочь, — сказал он.

Сердце ухнуло. Наверняка по поводу кражи. Но почему он думает, что вор был тут?

— Не обещаю, но постараюсь, коп. Что вы хотите услышать?

Он достал из кармана коробку спичек. Она отличалась от обычных. Самодельная, красного цвета, более плотная, с рисунком колокольчика и буквой «Л».

— Знакома?

Я не стала брать. Только взглянула.

— Первый раз вижу. Что это?

— Принадлежит мистеру Леману. Работает на текстильной фабрике. Часто закупается у вас. Местные уверяют, он завсегдатай. Что теперь скажет ваша память, леди?

Леман. Конечно, знаю. Надменный, самодовольный. Каждый раз пытался блеснуть остроумием при мне и Баби. Именно с него я «сняла» куртку и фуражку для побега. Он напился в пятницу, оставил всё на стуле. Обычно Арвин сам относил забытые вещи на фабрику, но в тот день попросил меня. Я не пошла, решила использовать находку.

— Всё равно не понимаю, о чём вы, — улыбнулась я и посмотрела ему в глаза.

Он чуть наклонился вперёд, будто хотел разглядеть в моём взгляде ложь или хотя бы тень сомнения. Его лицо не выражало ничего, но внимание — острое, хищное. Я почувствовала, как сердце сжалось: слишком пристально он меня изучал. Слишком внимательно слушал.

— Уверены? Может, стоит подумать ещё?

— Думаете, если кто-то видел его здесь пару раз, это делает его постоянным гостем? Я не помню его.

— В его доме нашли множество ваших пакетов. Только по ним можно судить, как он любит ваше заведение, — он прищурился.

Я скрестила руки на груди, стараясь казаться расслабленной. На самом деле внутри всё сжималось. Он не торопился, будто ловил удовольствие от допроса. И это меня раздражало.

— Возможно. Но я не запоминаю имён. У меня и так дел хватает.

Он усмехнулся, словно проверял меня на прочность.

— Значит, вы ничего не знаете.

— Всё, что знала — сказала. Хотите купить у нас пакет?

— А десерт вы не предложите?

В этот момент за спиной послышались шаги. Чёрт. Не успела его выпроводить. Арвин, конечно, услышал голос и решил узнать, что происходит.

— Всё в порядке? — спросил он, внимательно глядя на гостя.

— А вы...? — начал тот.

— Хозяин лавки. Арвин Сноу. К вашим услугам, сэр, — они обменялись рукопожатиями.

— Даниэль Виберн. Хоть кто-то тут вежлив, — бросил он и взглянул на меня.

Арвин не отреагировал.

— Чем обязаны, мистер Виберн?

Он показал коробку спичек.

— Вам знакома эта вещь? — уточнил Даниэль и протянул Арвину коробку.

— Л... Леман? Да, похоже. Он всегда с ними. Говорит, обычные промокают.

— Так значит, вы его всё-таки знаете? — проговорил Виберн, не отводя от меня взгляда.

В его голосе мелькнуло не то удивление, не то обвинение — он уловил ложь.

— Лично я — нет, — вставила я.

— Девушка может не знать его имени, офицер. Она не так часто работает здесь, — солгал

Арвин.

Он прикрыл меня. Похоже, будет разговор позже.

— Где он был вчера вечером?

— Точно не здесь. Я закрыл лавку в семь. А он, насколько знаю, по выходным не работает.

В такую погоду за печенем не побежит. Но что случилось?

— Задержан. Подозрение в преступлении против госвласти.

Арвин усмехнулся — и тут же осёкся.

— Это то, о чём судачат? Кража улики?

— Да. Всё остальное — конфиденциально. Можете прочитать в газетах, — отрезал Даниэль.

Дальше коп еще пару минут поспрашивал Арвина о Лемане и, взяв обещание с него, что тот непременно сообщит, если вспомнит что-то еще важное, вновь обратился ко мне:

— Может все-таки назовете ваше имя?

— Агния, — ответила я с самой невинной улыбкой, на которую была способна, и в то же мгновение слегка пнула дядю под прилавком — мол, подыграй.

— Рад знакомству, Агния. Всего доброго, мистер Сноу, — сказал он, чуть наклонившись в формальном поклоне. Его тон по-прежнему был вежлив, но я уловила в голосе нотку скепсиса.

— Хорошего дня, — отозвался Арвин и проводил его взглядом.

Дверь за констеблем закрылась, колокольчик звякнул. Арвин повернулся ко мне с прищуром.

— Что это сейчас было?

— Ещё один поклонник. Уж очень хотел знать моё имя. Я решила, что он не достоин настоящего, — фыркнула я, поправляя сползшую косынку и облокачиваясь на стойку.

— Думаешь, он спрашивал имя, чтобы потом надеть на твой палец обручальное кольцо?

— Я отрежу себе руку прежде, чем кто-нибудь посмеет сделать это, — усмехнулась я, схватила швабру и направилась к грязным следам, что оставил Виберн.

— Зачем ты его обманула? — спросил Арвин, когда я в очередной раз провела тряпкой по полу.

— Я же сказала — не ищу знакомств.

— Я не про имя, — продолжил он, не отводя от меня взгляда.

Я на миг замерла, будто в меня попала стрела, но тут же продолжила вытирать следы, как ни в чём не бывало.

— Он хочет, чтобы каждый встречный выкладывал информацию, сам при этом прячет детали. Меня не волнует Леман, но я тоже не желаю неприятностей.

— По слухам, куртка была на грабителе. Он сбросил её перед площадью. Судья гнался сам. Почти догнал.

Пф. Да этот судья и трёх минут бы не выдержал — я видела, как он вспотел только поднимаясь с кресла. До Трафальгарской площади идти в быстром темпе минимум пятнадцать минут, а уж бежать — тем более тяжело. Леман — здоровяк, настоящий шкаф, с которым я даже рядом не стою по комплекции. По одному этому уже можно понять, что судья ошибается. А может, просто не хочет признавать, что его так легко обвели вокруг пальца.

— Тогда судья ошибся насчёт роста и веса, раз почти схватил воришку, — хмыкнула я и, закончив мытьё полов, унесла швабру в угол. — Орсон — длинный здоровый бугай, — крикнула я уже из-под лестницы, где возилась с ведром.

— От него лишь требуется проинформировать и доказать своё местоположение вчера вечером, а также объяснить, каким образом его вещи оказались у преступника, — произнёс дядя, вдруг сощурившись и уставившись на меня, когда я вернулась за стойку. — Подожди-ка, Николь... куда ты унесла ту самую куртку в пятницу?

Я внутренне сжалась, но голос не дрогнул:

— Дошла до фабрики, но опоздала. Не захотела тащиться к нему домой. Выбросила на ближайшей свалке.

Я пожала плечами, стараясь придать жесту легкомыслие.

— Ты выкинула его вещи?! — воскликнул Арвин, и голос его стал громче. — Я всего один раз попросил тебя помочь, потому что сам не мог... А теперь Орсон сидит в темнице! Из-за чего? Из-за твоего равнодушия?

Он покачал головой, разочарование читалось в каждой черте его лица. Он не стал дожидаться моей реакции. Просто ушёл через заднюю дверь. Тень, растворившаяся в проёме.

Очередь к моей совести росла. Сначала Баби. Теперь Арвин. Осталось только, чтобы сам Виберн вернулся и ткнул меня носом в мою ложь.

Но больше всего меня мучило то, что я и сама прекрасно знала — я виновата.

Дождь всё ещё лил, мелкими холодными каплями ударяя по стеклу. Покупателей почти не было. Я поднялась наверх, забрала оставленные Баби газеты и вернулась в лавку. Устроилась в кресле у окна и углубилась в чтение.

Судья был уверен: вор — не Леман, но с ним связан. Куртка и фуражка использовались как маскировка. Спички — «случайность», с его слов. Леман ничего не помнил: снова поссорился с женой и напился. Где оставил свои вещи, не знал. Сейчас он в темнице. И, по слухам, из него выбивают правду не только словами.

Я даже не удивилась тому, насколько спокойно читала это. Ни сочувствия, ни злости. Только равнодушие.

К полудню слухов было уже полно. Что же будет к вечеру, когда Баби принесёт новую почту? Надеюсь, она остыла за время работы и заговорит со мной. Мне трудно представить, что у меня не будет больше с ней тех разговоров, что были раньше. У меня нет других друзей. И жизнь в одной комнате с молчащим человеком — ад, не иначе.

Как-то раз я взяла с неё обещание: не использовать на мне свой дар. Я не хотела знать, когда мне придёт конец — поймают, убьют или что ещё. Но после вчерашнего... я впервые задумалась, не попросить ли самой её взглянуть в моё будущее.

Осталось только дожидаться её возвращения. А пока я сидела у окна, слушая дождь, и медленно сходила с ума.

Время тянулось, как патока.

Глава 5

Иногда я думаю: знать о своём будущем — это как читать книгу, заранее зная, чем всё закончится, — скучно и неинтересно. Другие, наоборот, хотят знать всё наперёд, чтобы быть готовыми к изменениям. Или же, зная дату своей смерти, планируют жизнь, чтобы не потратить её зря. Я — приверженец первого. Даже если книга моей жизни скучна, лучше не дочитать, чем заранее знать финал и забыть.

Но я хотела узнать у Баби не про конец. По крайней мере, не про мой. Поэтому сегодня я ждала её особенно сильно.

Дождь всё не унимался. От скуки я в пятый раз переставила десерты в витрине, протёрла столы, подмела полы, вымыла зеркало, лестницу и даже перебрала бумажные пакеты в шкафчике. Арвин коротал время за сканвордами — шурился, задумывался, записывал что-то в уголке, иногда раздражённо стирал и начинал заново. Я же угадываю два слова — и оба неверные.

Книги, что стоят наверху, раньше спасали меня в такие дни, но теперь кажутся пыткой. Это наследие Фелиции. Она была глубоко верующей, и в ящиках хранятся в основном молитвенники, трактаты о грехах и наказаниях, жития святых и прочая церковная мракошь. Но среди всей этой пыли я однажды наткнулась на «Молот ведьм» и «Книгу Теней». Вот эти вечера мне запомнились. Баби, к слову, хватило и на остальное.

Я вновь взглянула на свои часы — пять часов вечера. В это время в лавку зашёл покупатель, стряхивая у порога зонт. За его спиной, сквозь стену дождя, я заметила знакомую фигуру в красном плаще и с красным зонтом — Бабетта. Она обошла лавку и зашла через задний вход.

Я поспешила обслужить мокрого клиента и поскорее выпроводить его, чтобы Баби не успела проскользнуть наверх незаметно.

— Всего доброго! — попрощалась я с улыбкой, протягивая пакет с песочным печеньем.

— И вам! — отозвался мужчина, распахнул зонт и скрылся за дверью.

Я повернулась — и застала Баби, как раз входящую в лавку. Она остановилась на половике, вытирая сапоги.

— Я как раз хотела с тобой поговорить, — сказала я как можно непринуждённое.

— Не сейчас, Николь. У меня был трудный сеанс, — устало ответила она, аккуратно ставя зонт у порога.

— Снова Эвелин?

Баби промычала утвердительно.

Эвелин — уже почти постоянная клиентка. Четыре месяца назад у неё пропал муж, и она вот уже в который раз приходит к Баби, надеясь услышать, что он вернётся.

— Я бы уже давно дала отворот-поворот, — пожалала я плечами.

— И разбила бы ей сердце? Она приходит за надеждой. Хотя, если честно, я уже устала искать в её будущем хоть что-то новое, — вздохнула Баби. Она отряхнула пальто, переобулась в тапочки и прошла к стойке, чтобы налить себе немного крепкого кофе.

— Я бы на её месте устала ходить к ясновидящей, которая ничего не видит, — бросила я.

— Я вижу, — обиженно отозвалась она. — Но не то. Я вижу её сына, как он радуется её оценкам. Вижу, как она пересаживает орхидеи. Вижу, как её крышу снова заливает ливнем. Но мужа — нет.

— Прости, я не это имела в виду.

— Знаю, — тихо ответила она, и её плечи немного расслабились.

— Но разве лучше оставаться в неведении, чем узнать один раз, что он не вернётся?

— То, что я не вижу его в будущем, не значит, что его там никогда не будет. Будущее меняется, Николь. Оно зависит от наших решений в настоящем.

— Не знаю, какое решение ей нужно принять, чтобы всё изменилось, — пробормотала я, передавая ей чашку кофе.

— Не ей. Ему. Если он ещё жив, конечно. Поэтому я не даю ей точный ответ. Я просто честно говорю, что вижу. А возвращаться или нет — её дело. Только каждый раз я устаю вместе с ней. Это тяжело.

— Понимаю, — прошептала я.

— Вряд ли, — усмехнулась Баби и пошла наверх. — Я пойду немного отдохну.

— Арвину что-нибудь передать?

— Нет, я к нему уже заходила.

Дверь за ней закрылась, и лавка снова погрузилась в тишину.

* * *

Спустя час в лавку вошёл Арвин, сказал, что закроется сам, и отпустил меня. Он протянул мне два оплота, но я помотала головой: заберу позже — всё равно никуда не собиралась, а деньги пока не нужны.

Я всё же помогла дяде с уборкой, а потом поднялась в комнату, пожелав ему заранее спокойной ночи.

Баби уже спала. Сеансы всегда выматывали её до предела. После них она могла проспать часов четырнадцать, поэтому бралась за работу не чаще двух-трёх раз в неделю.

Я прошла к ящикам, на которых спала сегодня. Моих вещей там уже не было — Баби скинула их в корзину с грязным бельём. А на их месте лежала свежая газета.

Я присела на пол у ванной — там был самый яркий свет, он не мешал спать и оставался включённым для таких ночных бродяг, как я.

Развернув газету, я начала читать. Первым делом — новости об Орсоне Лемане. По словам осведомлённых, он так и не вспомнил, где был вечером. Нашли его на пороге дома — жена не пустила. Когда узнала, что его задержали, устроила полицейским скандал, грозила добиться его освобождения. Её тоже едва не посадили. Самого преступника так и не нашли. Ни улики, ни сведений. Лишь повторно напечатанное обещание судьи о вознаграждении.

Остальные статьи — обыденные: советы садоводов, объявления о ярмарке и шествии. Но среди них — почти на полосу — бросалось в глаза: принц Уильям женится.

Местные крашенные барышни наверняка рыдали. Всеобщая любовь, красавец-принц из Периванна, оказался недоступен. Избранница — принцесса Оксидины, королевства скромнее, но важного торгового партнёра. Политика, одним словом.

Мне, правда, было плевать. Ни он, ни его новая принцесса меня не интересовали. Новость зацепила только тем, что мне срочно требовалась тема, с которой я начну утренний разговор с Баби. Обычно я не читаю газеты так долго.

Раздевшись и выключив свет, я аккуратно устроилась рядом с сестрой и, спустя два часа бесплодных попыток уснуть, наконец провалилась в крепкий сон.

* * *

— Прекрасно пахнет, — промурлыкала Баби у меня за спиной.

— Кофе? — спросила я, не поворачиваясь к ней.

Баби согласно промычала и двинулась через стойку к ближайшему столику в нашей лавке.

Я встала раньше неё на несколько часов, как и ожидалось. Погода на удивление была превосходной. Всё ещё пахло сыростью, но светило яркое солнце, поэтому я не поленилась дойти до реки. Воды теперь хватит дня на три. После я заскочила на рынок и к Арвину. На

рынке приобрела пару кусочков бекона и немного зелени, а у дяди стащила три яйца, пока тот с утра пораньше ювелирно трудился над своими пончиками.

— Откуда свинина? — поинтересовался тогда он, углядев у меня подмышкой свёрток.

— Хозяйина лавочки вырубил, а после незаметно стащила чуть мяса, чтобы он не смог на меня заявить. Из-за пары кусочков ни один полицейский не будет поднимать свою задницу для поиска рыночного воришки.

Арвин покачал головой и махнул рукой в мою сторону. Не поверил. А я бы поверила. Не на его же жалкую зарплату за вчерашнюю смену можно позволить себе роскошь в виде такого завтрака.

Допытывать он меня не стал, поэтому молча продолжил заниматься своим делом. Я бы и яйца могла купить на рынке, но тогда я бы точно так легко от него не отделалась — ведь я всегда прошу их у него.

У меня оставался час до открытия лавки, поэтому я спешно принялась готовить завтрак. Сегодня ни я, ни Баби не были нужны Арвину, но тем не менее я решила помочь ему с подготовкой рабочего места перед открытием.

— Приятного аппетита, — сказала я Баби, ставя перед ней тарелку с яйцами и беконом. — Кофе будет через минуту.

— Ты почти лучшая, — улыбнулась мне она и, отложив утреннюю газету, принялась есть.

Видимо, она нашла газету на ящиках с книгами, что я положила с утра. Сама я уже пролистала все новости и ничего полезного для себя не нашла. Объявление судьи с наградой всё также красуется на главной странице, но вот новостей по поводу Орсона или вообще по делу нет. Меня это сначала насторожило, но после я подумала, что просто ничего интересного за ночь не произошло.

Я прошла к столику с двумя чашками кофе и поставила одну перед Баби, но не успела я и кусочка завтрака закинуть в рот, как она сказала:

— Про тебя ни слова в газетах сегодня.

— День только начался, — ухмыльнулась я и начала есть.

— А вчерашнюю газету ты читала?

— Угу, — ответила я с набитым ртом.

Видимо, Баби поняла, что я ни грамма не заинтересована в этом, и оставила попытки завести разговор на эту тему. Дальше мы ели молча, но довольно быстро управились с завтраком, после чего Баби отставила тарелку и, принявшись за кофе, снова уставилась на меня. Я ответила ей взглядом.

— Что ты сказала дяде? Откуда у тебя бекон? — поинтересовалась она.

— А я к нему заходила?

— Заходила, Николь, за яйцами, — равнодушно ответила она, как будто я спросила глупость. Так оно и было.

— Сказала, что свистнула, пока хозяин был занят другим покупателем.

— Ты сведёшь его в могилу раньше времени, — ответила та, но улыбнулась, привыкшая к моему сарказму. — Кстати, спасибо, — она мотнула головой в сторону тарелки.

— Подумала, что ты проспишь до обеда, расстроишься, что не поела бекон, — ответила я.

— Я почувствовала запах сквозь сон. Я даже не поела перед тем, как лечь спать, и мой желудок не желал оставаться пустым ещё хотя бы часик.

— Рада, что угодила вам обоим, — я улыбнулась.

Баби пристально на меня посмотрела и прищурилась:

— Что ты хочешь, Никки?

— С чего ты взяла, что мне от тебя что-то нужно?

— Сходила за водой, приготовила завтрак, любезничаешь с утра пораньше... — она загибала пальцы один за другим, перечисляя. — Я хоть и не могу похвастаться таким чутьём, как у тебя, но я и без того тебя слишком хорошо знаю.

Спорить с ней не было смысла. Я старалась скрыть своё волнение перед разговором с ней, но, видимо, не вышло. Мой дар даже здесь оказался бесполезным — Баби вычислила меня в два счёта.

— Мои действия были совершены чисто из добрых побуждений, и это никак не связано с моей просьбой к тебе, — ответила я, улыбаясь, а Баби ещё больше нахмурилась.

— Выкладывай уже.

— Посмотришь на моё будущее? — робко спросила я спустя полминуты молчания, ломая под столом пальцы.

Надо отдать должное Баби — она мастерски держит себя в руках. На её лице не мелькнуло ни тени удивления или замешательства: лишь хмурость, что хранилась прежде, медленно растаяла, уступив место спокойному, почти равнодушному выражению. Она молча откинулась на спинку стула, слегка наклонила голову набок и продолжала смотреть прямо мне в глаза, будто заглядывая глубже, чем хотелось бы.

— Ты мне запретила это делать семь лет назад, — спокойно сказала она.

— Знаю, — ответила я.

— Ты сказала, что сбежишь из дома.

— Знаю.

— Сказала, что навсегда исчезнешь из моей жизни, если я хотя бы раз попытаюсь это сделать.

— Я знаю, Баби! — резко ответила я, а после выдохнула и продолжила: — Но сейчас я сама тебя прошу об этом.

— Зачем? — всё так же спокойно спросила она.

— Я ужасно поступила, а теперь не могу нормально спать.

— Это в тебе говорит совесть? Или ты боишься быть пойманной?

— Меня не поймают, — ухмыльнулась я и расслабленно откинулась на стуле. — Так что мне не страшно. Я когда-нибудь боялась синих мундиров?

— А что ты тогда хочешь, чтобы я увидела в твоём будущем, если не тебя?

— Я хочу только убедиться, что не повлияла на судьбу судьи, — честно призналась я. — Возможно, ты увидишь что-то, что подскажет, сломала ли я чью-то жизнь или нет.

— Николь, я не могу искать вслепую. Если ты проживёшь до ста лет — а, надеюсь, что так и будет — то рыскать по оставшимся восьмидесяти лет я буду часами, — ответила Баби и поставила пустую кружку из-под кофе на стол.

— Если я своим поступком действительно обрекла кого-то на смерть, пусть и не напрямую, то это уже случилось, — прошептала я, стараясь сохранить спокойствие. — Или случится совсем скоро. Такие вещи, как «Песнь Серены», не используют просто так, про запас.

— То есть мне подсмотреть в ближайший год?

— Полгода, — отрезала я. — Не больше.

Баби вздохнула и прикрыла глаза. Она думала. У неё только вчера прошёл тяжёлый сеанс, а теперь я прошу её сделать это снова. Эгоистично? Возможно. Но я хочу избавиться от этого зудящего душу чувства.

— Ладно, — ответила Баби спустя пару минут, открыв глаза, и резко встала. — Пошли.

— Что, прямо сейчас? — ошарашенно устала я на неё.

— Я сыта, выспалась и, похоже, в редком хорошем настроении. Хочешь дождаться, пока оно испарится?

— Нет-нет, — подскочила я. — Но через двадцать минут открытие лавки. Я обещала Арвину, что всё приберу к его приходу.

Я начала сгребать следы завтрака со столика, а Баби прошла к стойке.

— Давай я вымою бар и посуду, а ты подготовь зал, — предложила она.

Я улыбнулась и вернулась к делам. Через десять минут в лавку зашёл Арвин — как всегда, вовремя. Мы уже почти закончили уборку. Он, в знак благодарности, угостил нас обоих малиновым пончиком и принялся выставлять на витрину свежеиспечённые десерты. Пока я доедала угощение, Баби обменялась с ним парой слов о здоровье и, прихватив свою порцию, направилась к лестнице. Я пошла следом.

В комнате я подвинула ведро с водой к двери — замка у нас не было. Баби уже уселась на полу, постелив одеяло, и принялась рыскать в сумке, доставая всё необходимое для ритуала. Я села напротив неё, сложив ноги в позу лотоса.

Раньше я представляла себе подобные ритуалы как в книжках: чёрные свечи, завешанные окна, руны, ножи, карты... Но всё оказалось куда прозаичнее. Через окно струился солнечный свет, а из сумки Баби извлекла лишь благовонию, которую зажгла, положив на дощечку. Комнату быстро заполнил запах костра и листьев.

Баби, заметив моё замешательство, приподняла бровь:

— Ты ожидала, что я буду резать кролика и читать мантры?

— Что-то типа того, да, — честно призналась я.

— Всё это в сумке — антураж, Николь, — усмехнулась Баби. — На сеансах людям проще, если всё выглядит «по-настоящему». Но ты же не красишься шаманом, чтобы воспользоваться своим чутьём?

Я и правда никогда об этом не задумывалась. Моё чутьё срабатывало само: стоило подумать о нужном — и ответ приходил. А вот как работает дар Баби, я понятия не имела.

— Тогда зачем благовония?

— Запах просто нравится. Он помогает сосредоточиться и поймать нужную волну.

Баби пожала плечами, словно оправдываясь, а затем протянула ко мне руки:

— Если готова, возьми меня за руки.

— Это не больно? — робко спросила я.

— Ты же это не всерьёз, Николь?

— Ха-ха, конечно нет, — пробормотала я, пытаясь унять волнение, и протянула руки.

Баби мягко сцепила свои пальцы с моими, закрыла глаза и слегка откинула голову назад. Первые мгновения ничем не отличались — разве что лёгкий дымок от благовония щекотал нос. Но вскоре я почувствовала нечто странное: будто в мою голову проникли мягкие, почти невесомые щупальца. Они осторожно касались сознания, не причиняя боли, наоборот — наполняя его неожиданным спокойствием. Волосы на затылке чуть поднялись, но страха я не испытала. Казалось, будто Баби мысленно гладила меня по голове, убаюкивая и увлекая в это ощущение тишины. Я прикрыла глаза и сосредоточилась на дыхании.

Спустя несколько минут пальцы Баби вдруг крепко сжали мои, а затем с силой оттолкнули. Я резко распахнула глаза и увидела перед собой испуганную девушку. Её рот приоткрыт, брови сдвинуты к переносице, глаза расширены от чего-то увиденного. В груди сжалось тревожное чувство — и я не могла понять, чьё оно: моё или её.

— Баби? Что... что ты увидела?

— У тебя нет будущего через полгода, Николь, — прошептала она, и сердце ускользнуло куда-то в пятки.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.